

Вадим Ярмолинец

Три рассказа

Хесус Импарсиал

Жена инженера Толкунова часто ездила в заграничные командировки. Невольно он стал думать, что если бы, скажем, самолет, в котором она летела, упал, то он бы получил долгожданную свободу. Вы, конечно, спросите: что она ему сделала, что у него появились такие мысли? Отвечу: ничего. Она просто прожила с ним 25 лет, и это все. И вот он представлял себе, как в последние минуты жизни она успеет набрать номер и крикнет сквозь вой и свист раненного «Боинга», что любит его, а он крикнет ей в ответ, что тоже любит ее, и в рамках этого 30-секундного разговора не соврет. Эта мысль так прочно поселилась в сознании инженера Толкунова, что он незаметно для себя стал развивать ее, представляя, например, как ему позвонят из какой-нибудь клиники в Бомбее или Дели и с прискорбием известят, что его жена стала жертвой тамошнего вируса. И он будет долго и горько плакать, а потом позвонит той, другой, ее звали Света, и скажет, что теперь они смогут быть вместе. Эти фантазии заменяли ему психотерапевта и кое-как примиряли с несправедливостью жизни. Прогуливая перед сном их собаку – королевского белого пуделя Славика, инженер Толкунов мысленно и безо всякого злого умысла пополнял список несчастий, которые могли бы изменить его жизнь, как ему казалось, к лучшему.

И вот однажды, думая о самолетах, смертельных индийских вирусах, или, вот еще – стремительно развившемся раке легких (она курила), он ступил на проезжую часть Шерман-



стрит, где жил, не заметив несущегося против движения велокурьера с железным ящиком на переднем колесе, где лежала, источая ароматы горячего теста, сыра и пеперони, пицца. Удар был так силен, что мечтателя подбросило в воздух, и Славик с удивлением смотрел, как

хозяин, сделав ну просто цирковое сальто-мортале, приземлился на голову, да так, что плеснувшие из нее субстанции тут же перемешались с томатом, сыром и колбасой, тоже оказавшимися на асфальте.

Что до водителя велосипеда, его звали Хесус Импарсиал, то он, недолго думая, вновь оседлал свою машину и, привставая на педалях, унесся в ночь, от греха, как говорится, подальше.

Господи боже мой, откуда на вечерней Шерман-стрит взялся этот Хесус? Точно я, конечно, не знаю, но могу предположить, что он перелез через пограничный забор в каком-то глухом углу Аризоны или Нью-Мексико и теперь вот подрабатывает на своем велосипеде, ожидая иммиграционной амнистии, которая позволит ему перейти на социальное пособие и зажить, наконец, по-человечески.

Марсианка

У жены писателя Рукомойцева, ее звали Оля, полностью поехала крыша на почве отслеживания неопознанных летающих объектов. Она ждала прибытия инопланетян, как евреи ждут прибытия своего Мошиаха – в любую минуту. Но если некоторые евреи имеют надежду обрести за хорошее поведение вечную жизнь и другие льготы, то Оля четко знала, что контакт с внеземной цивилизацией грозит одними неприятностями.

– Но почему?! – спрашивал ее муж.

– Потому что, – отвечала Оля, – никакое мыслящее существо не полетит черт знает куда, просто чтобы поделиться с другими мыслящими существами своими знаниями или культурой. Им нужны наши ресурсы! Либо природные, либо человеческие.

– Посмотри на меня, – возражал писатель. – Какой из меня ресурс?

– Этот вопрос ты задашь своему бригадиру на марсианских урановых рудниках, – отвечала Оля. – Если тачка окажется сильно тяжелой.

Короче, днями и ночами Оля сидела на блогах таких же, как она, уфологов, делясь информацией о замеченных тут и там летающих тарелках. Каждый имеет право на свое хобби, но хобби жены лишило писателя Рукомойцева личной жизни. Я имею в виду интимной ее части.

Если, скажем, писатель, нафантазив чьего-нибудь эротического за своим письменным столом, намечал воплотить эти фантазии в жизнь, а Оля узнавала, что над манхэттенским районом Челси появился неопознанный летающий объект, то ночь уже принадлежала не любви, а переписке уфологов. Только к утру они выясняли, что за НЛО был принят надутый местным шалуном контрацептив.

Так проходили годы.

В один прекрасный день писателя Рукомойцева отвлек от рукописи шум за дверь. Он вышел на площадку. Грузчики пытались внести в дверь соседней квартиры койку королевского размера, за которой следовала девушка неслыханно вызывающего вида. На всякий случай писатель поинтересовался, не требуется ли помощь, на что девица ответила просьбой о сигаретке. Пока курили, выяснилось, что у Ляли, это ее так звали, довольно-таки нелегкая судьба. Родом она из города Череповец. Отца – не знает, мать – пьяница, документов – нет. Работает экзотической танцовщицей на Нептун-авеню.

О-о, это интересно! Особенно с учетом того, как занята его Оля. То у нее важный семинар – есть ли жизнь на Марсе, то снова кто-то из ее уфологов засек в небе что-то подозрительное.

Короче. В один прекрасный день писатель Рукомойцев договаривается с Лялей, что та заскочит к нему часов в 10 утра, чтобы

показать свой новый рабочий костюм. Ему это очень надо в целях расширения писательского кругозора. И жена как раз не будет мешать – она на работе.

И вот часы бьют десять, и в дверь звонят. А он уже ждет. Кофе, коньяк, конфеты, все такое. Они выпивают. Потом еще немного. Потом она говорит: ну, я пойду переоденусь. Идет в ванную и скоро выходит оттуда во всем своем, как говорится, боевом наряде: красные губы, синие глаза, фиолетовые тени, зеленые ресницы, ошейник, шипы, красные перья, желтые перья, синие, зеленые, потом тесемки, лямки, заклепки, шипы, снова перья, потом каблуки, хлыст, хвост и еще немецкая фуражка с черепом и костями. Маза-фаза, кто это?! Как кто? Это наша соседка Лялечка в своем новом рабочем костюме! Вы же сами заказывали!

– Ну, как? – интересуется она и забирается на журнальный стол, чтобы было лучше видно.

Ответа нет, потому что писатель Рукомойцев испытывает двойное потрясение. Первое, ясное дело, вызвано видом этого немецко-садистского павиана. Второе – тем, что писатель слышит, как открывается входная дверь. Боже мой, кто это?! Кто? Это жена Оля! Она забыла пропуск, без которого не может попасть на работу, и вот вернулась за ним.

Оля входит в комнату и, сильно поменявшись в лице, а вы бы не поменялись, говорит в сторону журнального стола:

– Я не поняла, а вы здесь откуда взялись, а?

На что Ляля, которой уже случалось бывать в аналогичных ситуациях, отвечает:

– Откуда? С Марса, блин, прилетела!

– Так я и подумала, – успевает удивиться Оля и падает на пол почти что замертво.

Пока Оля остается в обмороке, Рукомойцев успевает проводить гостью, навести порядок, а потом начинает убеждать жену, что да, ее худшие опасения подтвердились, это действительно было какое-то залетное существо с далекой звезды – обычные люди так не выглядят. У Оли, однако, эта теория не вызывает полного доверия, особенно когда она встречается на лестничной площадке с Лялей и та интересуется ее здоровьем.

Пожарница и аккордеонист

В 90-х годах прошлого века на Брайтон-Бич рассказывали об уголовной паре, где верховодила некая Соня Пожарница. Своим розвищем она была обязана умению взбираться в квартиры своих жертв по пожарным лестницам на фасадах домов. Ее напарником был очень худой широкоплечий мужчина с копной зачесанных назад черных волос и страшными глазами. Говорят, когда он смотрел на тебя, в его глазах можно было видеть усыпанное звездами небо. Его звали Хосе Куэрво. Обычно об их появлении извещало пение. Ты просыпался ночью от невнятного шума. Постепенно он обретал форму и содержание, становясь тоскливой песней, в которой часто повторялось слово «муэрта». Женщина пела довольно громко, мужчина подыгрывал ей на аккордеоне.

Разбуженный подходил к окну и, отведя занавес, выглядывал на улицу. Куэрво стоял под домом. Заметив за стеклом чье-то бледное лицо, он указывал на него спутнице, и та приступала к делу. Минута – и несчастный слышал, как преступница пыталась поднять оконную раму. Забравшись в комнату, она без промедления валила бедолагу на постель. Обвив его горло одной ногой, гибкими пальцами второй она упиралась ему в подбородок и давила до тех пор, пока не раздавался хруст позвонков. Некоторые ее жертвы были найдены с откушенным ртом или носом.

Рассказывали и о других увечьях, но их перечисление не добавит ничего существенного к истории, которая приснилась мне в ночь с 12 на 13 марта несчастливого 2013 года. Видение было таким живым, что я явно услышал, как кто-то дергает раму, пытаясь открыть ее. Возможно, это были порывы ветра, но в моем сне страшным сотрясениям было другое объяснение. Это видение было прервано моим же криком. Я поднялся, подошел к окну и приоткрыл занавес. Под домом стоял черноволосый мужчина в белой рубашке с расстегнутым воротом. Заметив меня, он тут же вскинул руку в моем направлении. В его черных глазах сияли звезды. С ужасом я осознал, что их свет парализовал меня, хотя еще секунду назад я планировал бежать на кухню за ножом, чтобы, как говорится, продать свою жизнь подороже.

Нью-Йорк